

УДК 821.111

ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ С.М. БАРКЕР

Фельдман Елена Александровна

аспирант

Литературный институт им. А.М. Горького, Москва

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье рассматривается дидактический аспект в творчестве английской детской писательницы Сесиль Мэри Баркер – в частности, способы подачи полезной для ребенка информации в поэтическом цикле «Цветочные феи». Особое внимание уделяется художественным приемам, которые способствуют воспитанию в юном читателе таких качеств, как бережное отношение к природе, позитивная жизненная философия, христианское сострадание и забота старшего о младшем.

Ключевые слова: английская литература; детская литература; поэзия; детская поэзия; Сесиль Мэри Баркер; Цветочные феи; дидактика.

DIDACTICS IN CHILDREN'S POETRY OF CECILY MARY BARKER

Feldman Elena Aleksandrovna

post-graduate student

Literary Institute of A.M. Gorky, Moscow

Abstract. The article discusses the characteristic didactic features of Cecily Mary's Barker children's poetry; namely, the ways of presenting information in the Flower Fairies cycle. Special attention is paid to artistic devices which help develop in children careful attitude to nature, positive life philosophy, Christian compassion and taking care of younger ones in children.

Key words: English literature; children's literature; poetry; children's poetry; Cecily Mary Barker; Flower Fairies; didactics.

Сесиль Мэри Баркер (Cicely Mary Barker, 1895-1973) известна английскому читателю в двух ипостасях: как талантливый книжный иллюстратор и автор восьми поэтических сборников «Цветочные феи» (*Flower Fairies*). Собранные под одной обложкой, они представляют собой исчерпывающую энциклопедию по ботанике, где в доступной форме сообщаются полезные сведения о различных видах растений: садовых и придорожных цветах, кустарниках и деревьях. Именно образовательная и воспитательная ценность обусловила их долгую литературную жизнь и востребованность, не снизившуюся даже спустя столетие после издания первой книги. Так, в рассказе «Существо в лесу» (*The Thing in the Forest*, 2003) английской писательницы, лауреата Букеровской премии Антонии Сьюзен Байетт (Antonia Susan Byatt, b. 1936) прямо указывается, что главная героиня Примроуз чувствует особую связь с миром цветов благодаря детским воспоминаниям о книгах Сесиль Мэри Баркер: «Она [Примроуз – *Е.Ф.*] лучше разбиралась в цветах, чем в птицах, потому что, когда была маленькая, на школьных полках стояли “Цветочные феи”» («She was better at flowers than birds, because there had been Flower Fairies in the school bookshelves when she was little») [1, с. 197].

Примечательно, что поэзия Баркер принципиально отличается в реализации дидактического аспекта от, например, романа Льюиса Кэрролла (Lewis Carroll, 1832-1898) «Сильвия и Бруно» (*Sylvie and Bruno*, 1889) – фантастического эпоса объемом почти в тысячу страниц и с моралью в христианско-евангелическом духе, в котором автор также стремился воплотить принцип *instruction* (обучения) через привлекательные для детей образы фей и эльфов. Главные герои – фея Сильвия и эльф Бруно – изображены Кэрроллом в традициях «фей-стрекоз»: «Росточком она была всего лишь несколько дюймов, одета в зеленое платье, так что ты едва ли заметил бы ее среди высокой травы, и была она такой изящной и хрупкой, что казалась каким-то чудным цветком, выросшим прямо здесь, среди своих собратьев» [2, с. 232]. Кэрролл считал «Силь-

вию и Бруно» своим главным произведением, намного превосходящим «Алису в Стране чудес», однако, несмотря на иллюстрации известного английского художника Гарри Фернисса, книга не имела успеха. По определению Джона Падни, биографа писателя, это эпос «ужасающий, с раздражающе сюсюкающим главным героем, шепелявым сказочным мальчиком Бруно» [2, с. 32]. Современные исследователи рассматривают его как типичный викторианский назидательный роман и анализируют именно в таком ключе [3, с. 39].

По примеру Кэрролла обращаясь к теме фей, Баркер подвергала судьбу своих книг определенному риску. В первые десятилетия XX в. контакт детей и эльфов не только стал общепринятым местом в детской литературе, но и приобрел негативную репутацию из-за обилия низкокачественных произведений на эту тему. В эссе «О волшебных сказках» (1946) Дж.Р.Р. Толкин, критикуя «многочисленное племя цветочных фей и эльфов», приводит высказывание Эндрю Лэнга, который писал в предисловии к «Лиловой книге сказок» об «утомительных» сочинениях современных авторов: «Они всякий раз начинают с того, как маленький мальчик или девочка идет гулять и встречает фею гардении, или фею яблоневого цвета, или фею кашки... Эти феи пытаются развеселить дитя, но не умеют; зато преуспевают, когда читают ему мораль» [4, с. 171].

Здесь Лэнг очень точно вскрывает конфликт между формой и содержанием, присущий романам наподобие «Сильвии и Бруно». Их авторы, избрав сугубо игровой сюжет, использовали его исключительно для поучений. Вступая в художественное пространство текста, ребенок отождествляет себя с главным героем и доверяется писателю, который выстраивает для него систему приключений и переживаний. Однако это доверие оказывается обмануто, если встреча с волшебством, логически подразумевающая дальнейшие сказочные события, оканчивается неуверительно завуалированной дидактикой и теми же назидательными постулатами, которые ребенок ежедневно слышит от родителей и учи-

телей. Разочарование читателя, неизбежное в подобной ситуации, не только обесценивает усилия автора, но и нивелирует возможный воспитательный эффект произведения: рассказчик, не оправдавший ожидания ребенка в отношении сюжета, автоматически лишается для него авторитета и в прочих областях.

Художественное чутье и тонкое знание детской психологии позволили Сесиль Мэри Баркер избежать описанного противоречия. В цикле о цветочных феях она всесторонне воплотила принцип «учись, играя» (*learning through play*), признанный современными психологами и педагогами в качестве одного из важнейших в системе образования [5]. Роль игры в развитии ребенка сложно переоценить. Как замечает А.А. Потебня в работе «Мысль и язык», «ребенок еще не двойит своей деятельности на труд и забаву, еще не знает другого труда, кроме игры; игра – приготовление к работе, игра для него исчерпывает лучшую часть его жизни, и потому он высоко ее ценит. <...> Никакой разумный педагог не усомнится, что игра ребенка заключает в себе в зародыше и прообразует позднейшую деятельность, свойственную только взрослому человеку, точно так, как слово есть первообраз и зародыш позднейшей поэзии и науки» [6, с. 88].

Игровой элемент в принципе является неотъемлемой чертой творчества Сесиль Мэри Баркер. Ставя перед собой цель рассказать ребенку о происхождении и особенностях растения, она никогда не уподобляется авторам энциклопедий по ботанике, чья несомненная польза сводится на нет сухостью изложения. Поэтому в цикле о цветочных феях информация подается *двумя способами*: либо зашифровывается в сюжет стихотворения, либо сообщается в кратком примечании, набранном после песенки меньшим кеглем.

В первом случае свойства растения находят дополнительное отражение в характере его феи или особенностях ее внешности/наряда. Таким образом, каждый полезный факт воспринимается ребенком и че-

рез текстовый, и через визуальный канал, что способствует более надежному запоминанию. Например, из «Песни фей калины» (*The Song of the Guelder Rose Fairies*) читатель получает следующие практические сведения: существуют два различных вида этого растения – калина садовая и лесная, причем плодоносит только лесная, на вид более невзрачная. В целях усиления игровой составляющей Сесиль Мэри Баркер, опираясь на эти факты, создает полноценную сказку. Садовая и лесная калина представляются ребенку в виде сестер примерно пяти и десяти лет. Их внешнее сходство на рисунке очевидно, однако фея садовой калины одета в более нарядное платье и явно любит свою красоту, а маленькая лесная калина в скромной белой сорочке с восхищением смотрит на старшую сестру. Акварель сопровождается следующими стихами:

There are two little trees:
In the garden there grows
The one with the snowball;
All children love *those!*

The other small tree
Not everyone knows,
With her blossoms spread flat –
Yet they're both Guelder Rose!

But the garden Guelder has nothing
When her beautiful balls are shed;
While in Autumn her wild sister
Bears berries of ruby red! [7, p. 16]

Две разные калины есть на свете -
Одна в саду, другая возле елки.
Садовую, большую, любят дети
За круглые соцветия-метелки.

А младшую сестрицу встретишь редко,
Ее букеты плоские скромнее.
Ни клумбы, ни фонтаны, ни беседка
Не выманят из леса крошку-фею.

Но старшая по осени предложит
Ребятам только листья для заварки,
А младшая в корзины им положит
Рубиновые сочные подарки!¹

¹ Здесь и далее стихотворения С.М. Баркер будут даваться в нашем собственном переводе. Мы будем цитировать стихи, которые переводятся нами на русский язык впервые, в двух параллельных вариантах: оригинал на английском языке и художественный рифмованный перевод, который может содержать некоторые отступления от оригинала в целях сохранения его литературных достоинств и максимально легкой интеграции в отечественную детскую поэзию. Подробнее о принципах перевода см.: Фельдман Е. А. Труднопереводимое и непереводаемое в детской поэзии Сесиль Мэри Баркер // Наука и образование в XXI веке: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 декабря 2013 г. В 8 ч. Ч. III. М.: «АР-Консалт», 2014. С. 13-23

Без сомнения, после знакомства с феями калины ребенок не только узнает оба вида этого растения в природе, но и легко вспомнит, чем они отличаются.

Во втором случае – со сноской – автор транслирует читателю информацию самого разного характера. Это может быть история названия растения, его народные наименования, способы применения листьев/корней/древесины, связанные с цветком поверья и т.д. Например, после песни феи черной брионии указано: «В брионии нет ничего черного, хотя в народе говорят, будто у нее черные корни. Правда, чтобы это проверить, ее придется сначала выкопать. Также считается, что бриония помогает избавиться от веснушек». Если растение несъедобно, это обязательно сообщается.

Как замечает Ю.Б. Орлицкий, «такая, казалось бы, вспомогательная, служебная часть стихотворного произведения, как сноска, не только выполняет множество разнообразных функций, но и оказывается способной под рукой мастеров из сугубо вторичного превратиться в важный художественный компонент стиха» [8, с. 59]. Это справедливо и по отношению к поэзии Сесиль Мэри Баркер: сноски у нее составляют единое целое с произведением, причем как в плане сюжета (в сноске к «Песне феи бузины» фигурируют мальчишки, делающие из бузиновых веток свистки – хотя в стихотворении они даже не упоминаются), так и косвенно, путем переноса в примечание отдельных ключевых образов – предметных или же цветковых (например, в сноске к «Песне феи белой брионии» указано: «В отличие от черной брионии, у этого растения есть усики, которые помогают ему карабкаться к солнцу» – то есть сообщается дополнительный визуальный образ, формально вынесенный за границу стихотворного текста, но фактически продолжающий его). Благодаря сноскам Сесиль Мэри Баркер удается сделать стихотворение более лаконичным и легким для восприятия читателя. Ребенок, заинтересовавшийся описанным растением, при желании почерпнет в примечании дополнитель-

ную информацию о нем, а родители и педагоги могут руководствоваться этими сведениями при проведении образовательных бесед или мероприятий в игровой форме.

Отдельно следует упомянуть «**песни-предостережения**», в которых эльфы напрямую предупреждают детей о какой-либо опасности. Так, из «Песни эльфов спороболуса и пушицы» (*The Song of the Rush-grass and Cotton-grass Fairies*) ребенок узнаёт, почему не стоит приближаться к местам, в которых обитают эти растения – причем информация подана автором с абсолютной ботанической точностью:

Safe across the moorland
Travellers may go,
If they need our warning
We're the ones who know!

Если через вереск
Держишь ты свой путь,
Добрые советы
Эльфов не забудь!

Let the footpath guide you
You'll be safely led;
There is bog beside you
Where you cannot tread!

По тропинке смело
Ты шагай вперед,
Но смотри – опасность
Рядом стережет.

Mind where you are going!
If you turn aside
Where you see us growing,
Trouble will betide.

Там, где мы – трясина.
Не ходи сюда!
Как бы не случилась
Страшная беда.

Keep you to the path, then!
Hark to what we say!
Else, into the quagmire
You will surely stray. [9, p. 10]

Не сходи с тропинки
Вереска нарвать –
А не то придется
В топи ночевать!

Для достижения наибольшего эффекта Сесиль Мэри Баркер использует цветовую гамму и образы, подсознательно ассоциирующиеся у зрителя с опасностью: эльф спороболуса обеспокоенно указывает на болото, находящееся за пределами рисунка, эльф пушицы подносит руку ко рту, словно собираясь позвать на помощь, а сама акварель выполнена в тревожных темно-желтых тонах.

Словесные ряды, развертываемые в стихотворении, еще более усиливают это впечатление. По определению А.И. Горшкова, словесный ряд (термин В.В. Виноградова) – это представленная в тексте последо-

вательность языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционной ролью [10, с. 330]. В «Песне эльфов спороболуса и пушицы» мы наблюдаем чередование двух словесных рядов, которые условно можно обозначить как *ряд места* и *ряд ощущения*. Первый реализуется при помощи нанизывания языковых единиц, указывающих на место действия и характер движения: «moorland (болотистая местность, обычно поросшая вереском) – footpath (тропинка) – bog (болото) – tread (ступать, шагать) – go (идти) – turn aside (свернуть) – path (дорожка) – quagmire (трясина)». Второй словесный ряд призван внушить читателю ощущение тревоги, страха, в более широком смысле – психологического дискомфорта: «warning (предостережение) – mind (в данном контексте: берегись) – trouble will betide (случится беда) – hark (слушай внимательно) – surely stray (наверняка заблудишься)». Взаимопроникновение и параллельное развертывание этих словесных рядов прочно связывает их в сознании ребенка и на рефлексорном уровне создает ассоциацию между болотом и опасностью.

Таким образом, желаемый назидательный эффект достигается в обход прямого поучения, которое могло бы вызвать у маленького читателя неприятие и даже стремление поступить в точности наоборот. В психологии подобная реакция называется «негативизмом». Согласно Л.С. Выготскому, это «такие проявления в поведении ребенка, когда он не хочет чего-нибудь сделать только потому, что это предложил кто-то из взрослых, т.е. это реакция не на содержание действия, а на само предложение взрослых» [11, с. 187]. Поскольку эльфы на рисунке и в стихотворении – тоже дети, их советы не вызовут у малыша, переживающего очередной возрастной кризис, такого же отторжения, как если бы они были услышаны от родителя или педагога.

Однако воспитательный аспект поэзии Сесиль Мэри Баркер не исчерпывается трансляцией полезных фактов из области ботаники. Дидактика «Цветочных фей» имеет еще несколько «факультативных», неоче-

видных на первый взгляд направлений, из которых мы считаем необходимым выделить **три основных**:

- научить ребенка видеть и ценить самостоятельную красоту природы;
- дать ему образец позитивной жизненной философии;
- привить идеи христианского сострадания и взаимопомощи.

Рассмотрим каждое из этих направлений подробнее.

1. Научить ребенка ценить самостоятельную красоту природы.

Неверно полагать, что любовь к природе и бережное отношение к ней свойственны человеку от рождения. По мнению А.А. Потебни, «древний и, как не совсем верно говорят, близкий к природе человек смотрел на природу только своекорыстно, что видно из языка и поэзии; *как детям, природа нравилась ему, насколько была полезна* [выделение наше. – Е.Ф.]; если бы он обладал всеми техническими средствами искусства, то все же ландшафтная живопись была бы для него невозможна. Важность этой последней в наше время свидетельствует не только о большем знании природы, но и о большем умении ценить ее самостоятельную красоту» [6, с. 112]. Осознание красоты природы приходит к ребенку с возрастом. В первые годы жизни его интересуют не столько духовные, сколько материальные дары окружающего мира. Природа еще не служит для ребенка источником рефлексии – зато он интуитивно понимает ее практическую ценность, которая незамысловато выражается в ягодах, грибах, веточках для поделок и т.д. Эстетическая оценка мира становится возможна только при формировании отстраненного взгляда, не заинтересованного в непосредственной пользе оцениваемого объекта [12, с. 307]. Подобный взгляд ребенок приобретает постепенно, через литературу и общение со старшими, которые должны сформировать его мировосприятие и сделать частью культурного пространства (термин Ю.М. Лотмана [13, с. 31]).

К этому стремится, среди прочего, и поэзия Сесиль Мэри Баркер. Во-первых, все ее произведения, посвященные миру природы, окраше-

ны романтическим пафосом. С точки зрения литературоведения, пафос представляет собой основной эмоциональный тон художественного произведения, чувства и эмоции, которые автор вкладывает в текст, ожидая сопереживания читателя [14]. Однако в данном случае понятие пафоса интересует нас скорее в определении риторики. Ю.В. Рождественский характеризует его как «намерение, замысел создателя речи, имеющий целью развить перед получателем определенную и интересующую его тему» [15, с. 96]. По словам А.А. Волкова, риторический пафос образуется отношением ратора, предмета речи и пропозиции – решения, которое ритор видит и предлагает аудитории [16, с. 19].

Рассматривать пафос цикла о цветочных феях с позиций не только литературоведения, но и риторики нас побуждает его жанровая специфика – а именно первостепенная педагогическая направленность. Рассказывая ребенку о природе, Сесиль Мэри Баркер уподобляется лектору, чей репертуар риторических приемов жестко продиктован уровнем и потребностями аудитории – в данном случае детьми.

Как отмечает А.К. Михальская, наиболее продуктивным видом пафоса является *романтический*, когда предмет речи подается как прекрасный, уникальный, удивительный [17]. По мнению Г.Н. Пospelова, романтику также отличает рефлексивная душевная восторженность, обращенная к тому или иному возвышенному «сверхличному» идеалу и его воплощениям [18, с. 140]. Для поэтики Сесиль Мэри Баркер характерно не просто восторженное любование природой – и автор, и его персонажи видят в ней подлинное чудо. Ежегодное появление почек, цветов и плодов воспринимается ими с неизменным восхищением и благодарностью. Поэзия Баркер пронизана этими чувствами столь интенсивно и убедительно, что маленький читатель бессознательно начинает разделять ощущения автора. Таким образом, Баркер исподволь формирует взгляд ребенка на природу, преобразуя его из потребительского в созерцательно-рефлексивный.

Этой цели служит и *абсолютная персонификация природы*, которую мы считаем одной из ключевых особенностей поэтики автора. Используя естественную склонность детей к одушевлению неживых предметов (от игрушек до предметов быта), Баркер делает природу главным героем своих произведений. По определению Б.В. Томашевского, героем «именуется персонаж, получающий наиболее острую и яркую эмоциональную окраску. Герой – лицо, за которым с наибольшим напряжением и вниманием следит читатель. Герой вызывает сострадание, сочувствие, радость и горе читателя» [19, с. 48]. Художественная новизна «Цветочных фей» состоит в том, что на протяжении всех восьми книг сочувствие, радость и горе читателя вызывают исключительно растения. Рассмотрим в качестве примера «Песню феи вербы» (*The Song Of The Willow-Catkin Fairy*), которая отличается особенно яркой эмоциональной окраской:

The people call me Palm, they do;
They call me Pussy-willow too.
And when I'm full in bloom, the bees
Come humming round my yellow trees.

На шерстку зайца я похожа,
Зовут меня котенком тоже.
Цветенье вербы любят пчелы -
Жужжит мне песни рой веселый.

The people trample round about
And spoil the little trees, and shout;
My shiny twigs are thin and brown:
The people pull and break them down.

Лишь люди вербу обижают -
Зачем-то веточки ломают.
Нигде мне, бедной, нет спасенья,
Когда приходит Воскресенье!

To keep a Holy Feast, they say,
They take my pretty boughs away.
I should be glad – I should not mind
If only people weren't unkind.

Но я готова подружиться
И с добрым сердцем поделиться.
Мои пушистые ладошки
Украсят мигом все окошки.

Oh, you may pick a piece, you may
(So dear and silky, soft and grey);
But if you're rough and greedy, why
You'll make the little fairies cry. [20, p. 9]

Прийти к вам в дом я буду рада!
Срывайте столько, сколько надо.
Но не бросайте вербу в слякоть,
Не заставляйте фею плакать!

Первое, что следует отметить при анализе этого текста – *романтический пафос*, которым проникнуто стихотворение. Хотя номинально лирическим героем является фея вербы, фактически им выступает само дерево. На это указывают такие фразы, как «the people call *me*...» (люди называют меня), «*my twigs*» (мои побеги), «*my boughs*» (мои веточки) и

т.д. Героиня неоднократно подчеркивает, что ее побеги «shiny» (блестящие), «pretty» (красивые), «dear» (милые) и «silky» (шелковистые), однако подобное самолюбование не является признаком гордыни (что было бы неприемлемо для христианского мировосприятия Баркер). Восхищенный взгляд феи вербы – это взгляд самой поэтессы, которая пытается показать ребенку прелесть весеннего дерева, используя обширное лексико-семантическое поле с доминантой «красота».

Примечательно, что в поэзии Баркер реальный мир всегда первичен, а сказочный элемент – вторичен. Помещая фантастических существ в декорации настоящего леса или сада, автор стремится продемонстрировать читателю, сколько красоты и волшебства содержится в окружающем мире – в то время как феи служат лишь связующим звеном между ребенком и бессловесной природой. Таким образом, «магия», которая метафорически приписывается природе как неисчерпаемому источнику вдохновения, рефлексии и эстетического наслаждения, в творчестве Баркер *буквализируется и визуализируется*: души растений обретают зримые воплощения в виде фей, совершенных внешне и духовно.

Вторая важнейшая черта «Песни феи вербы» – стремление к развитию в читателе *эмпатичности* (термин Карла Рэнсома Роджерса, обозначающий осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека либо животного [21, р. 58]). В данном стихотворении Баркер решает конкретную педагогическую задачу – показать ребенку пагубные последствия жадности – на примере распространенной жизненной ситуации: люди, срывающие ветки вербы накануне Вербного воскресенья, ведут себя неоправданно грубо. Как и в случае с «Песней эльфов спороболуса и пушицы», автору удается избежать прямого поучения. Вместо назиданий или угроз наказания Баркер предоставляет право голоса самому дереву, налаживая своеобразный диалог между ним и читателем. Ребенок получает принципиально иную, неожиданную аргументацию привычных запретов: оказывается, бездумно ло-

мать ветки нельзя не потому, что *это плохо*, а потому что *фея заплачет*. Первый вид аргументации абстрактен, а потому неубедителен для детской психики; что же касается доводов Сесиль Мэри Баркер, то они обращаются напрямую к чувствам, достигая цели в обход разума. Ребенок, однажды испытавший к вербе эмоции такого же порядка, как к однокласснику, уже не сможет воспринимать ее отстраненно или сломать ветку ради забавы.

2. Дать ребенку образец позитивной жизненной философии.

Даже беглое знакомство с наследием Сесиль Мэри Баркер подтверждает, что тексты с негативной эмоциональной окраской встречаются в ее творчестве крайне редко. В большинстве своем песни цветочных фей – торжествующий гимн сегодняшнему дню. Почти все феи связаны с природным циклом – в каждом сборнике есть стихотворения, посвященные началу и завершению очередного сезона. И хотя цветы, а следовательно, и их феи недолюбливают осень и зиму, они с благодарностью воспринимают любое время года, потому что оно является частью мирового порядка. Например, герой «Песни эльфа боярышника» (*The Song Of The Hawthorn Fairy*) возражает разочарованному ребенку, что его опавшие цветы – лишь прелюдия к появлению ягод, которые станут для птиц спасением в холодные зимние дни:

These thorny branches bore the May
So many months ago,
That when the scattered petals lay
Like drifts of fallen snow,
"This is the story's end," you said;
But O, not half was told!
For see, my haws are here instead,
And hungry birdies shall be fed
On these when days are cold. [22, p. 38]

Весной душистые цветки
Мои шипы скрывали.
Теперь снежинки-лепестки
Засохли и опали.
Конец истории? О нет!
Финал далек, покуда
На ветках ягоды растут
И птицы в холода клюют
Лесное это блюдо!

Если подбирать философии цветочных фей аналог в человеческой культуре, то им, без сомнения, будет *христианский стоицизм*. Оптимизм и жизненная стойкость, проповедуемые героями Сесиль Мэри Баркер, роднят их с классическими пасторальными персонажами. В работе

«Поэтика пасторали. Эволюция английской пасторальной поэзии XVI-XVII веков» В.Н. Ганин отмечает, что герои с подобным мировоззрением характерны, в частности, для Э. Спенсера. В февральской эклоге «Пастушеского календаря» мы встречаем старого пастуха Тенота, который ведет разговор с юношей по имени Кадди: «Когда Кадди жалуется на зимний холод и высказывает свою неприязнь к зиме как времени года, старик призывает его стоически относиться к жизни. Сам он всегда безропотно принимал все, что готовила ему судьба» [23, с. 25]. Как можно заметить, «Песня эльфа боярышника» во многом дублирует сюжет данного эпизода и заложенную в нем мысль.

Сесиль Мэри Баркер демонстрирует идейное родство и с Элинор Портер (Eleanor H. Porter, 1868-1920) – еще одним знаковым детским автором начала XX в. Доподлинно неизвестно, был ли в библиотеке Баркер ее роман «Поллианна» (*Pollyanna*, 1913), однако цветочные феи в некотором смысле продолжают «игру в радость», придуманную героиней Портер. Ее единственное правило – «радоваться несмотря на то, что радоваться вроде бы нечему» [24, с. 43] и нарочно отыскивать положительные моменты даже в негативных событиях. Таким образом, Баркер и Портер преследуют общую цель – путем художественного воздействия сформировать у маленького читателя философское отношение к невзгодам и подготовить его к стрессовым ситуациям, неизбежным во взрослой жизни.

3. Привить ребенку идеи христианского сострадания и взаимопомощи.

Характеризуя один из поздних сборников Баркер «Цветочный алфавит», биограф поэтессы Джейн Лэнг отмечает, что в нем «Сесиль изображает и описывает волшебную страну, в которой христианские добродетели являются основополагающими» («Cecily both shows and describes a fairyland where a belief in Christian virtues is fundamental» [25, p. 40]). Это справедливо и по отношению к творчеству автора в целом. На протяжении восьми сборников цветочные феи неоднократно демонстрируют та-

кие качества, как доброта, сострадание, забота о ближнем и постоянная готовность помочь другу, попавшему в беду. Например, фея травы черно-головки, которая славится своими целебными свойствами, изображена в окружении лягушки и мыши с перебинтованными лапами, а фея арума, чье удлиненное пурпурное соплодие напоминает фонарь, по собственной инициативе провожает до дома подруг, которые возвращаются ночью после бала. Практически все древесные феи предлагают читателю навеситить их осенью, чтобы угоститься спелыми плодами и ягодами.

Отдельно следует отметить такой популярный в поэтике автора мотив, как *забота старшего о младшем*. На иллюстрации к «Песне фей яблоневого цвета» мы видим крылатую девочку примерно десяти лет, которая сидит на ветке, обнимая годовалого малыша – олицетворение яблоневого бутона. В самой песне говорится, что феи защищают «яблочных детей» (*Apple-blossom babies*) от морозов и болезней (*frost and blight*). Очевидно, что здесь Сесиль Мэри Баркер моделирует идеальные отношения между братьями и сестрами, которые должны стать образцом для читателя из многодетной семьи.

Особый интерес в дидактическом плане представляют «Песня эльфа буквы U» (в русском переводе – Ы) и «Песня эльфа буквы X» (в русском переводе – Э) из «Цветочного алфавита». Эти стихотворения, условно объединенные в диптих, описывают одну и ту же конфликтную ситуацию с двумя противоположными путями ее разрешения. Дело в том, что U и X – единственные буквы в английском алфавите, с которых не начинается название ни одного цветка. Сесиль Мэри Баркер изобретательно обыгрывает эту лингвистическую проблему, не только делая ее сюжетной основой стихотворения, но и используя в воспитательных целях. Например, мы видим, что эльфы U и X, окруженные более удачливыми собратьями, заметно обижены на судьбу, но проявляют недовольство по-разному. Завистливый эльф буквы X принимается досаждать эльфу Яснотки, портя его цветы и листья, и в финале получает заслу-

женную оплеуху за негодное поведение. Что же касается эльфа буквы U, то он даже не пытается выразить обиду агрессией. Зритель моментально проникается жалостью к маленькому мальчику, который сидит на ветке, трогательно поджав ноги и очевидно готовясь заплакать. Вызывает он сочувствие и у соседнего эльфа дикого горошка (*the Vetch fairy*):

Poor little U
Has nothing to do!
He hasn't a flower: not one.
For U is Unlucky, I'm sorry to tell;
U stands for Unfortunate, Ugly as well;
No single sweet flowery name will it spell -
Is there nothing at all to be done?
"Don't fret, little neighbour,"
says kind fairy V,
"You're welcome to share
all my flowers with me -
Come, play with them, laugh, and have fun.
I've Vetches in plenty for me and for you,
Verbena, Valerian, Violets too:
Don't cry then, because you have none".
[26, p. 42]

Сидит, чуть не плача, у кромки воды
Несчастный эльфенок по имени Ы.
Когда раздавали цветочные буквы,
Ему не досталось ни розы, ни клюквы.
В природе, увы, не встречается Ы -
И зря он обходит поля и сады.

– А ну, выше нос! – вдруг Горошек ска-
зал. –
Я кое-что лучше тебе отыскал.
На «Г» существует растений без меры:
Герань, гиацинт, гладиолус, герберы...
Нам хватит обоим цветов и травы!
– Ой, правда? Спасибо!
– Пожалуйста, Ы!

Подразумевается, что юный читатель перенесет эту ситуацию в реальную жизнь: если эльфы с такой готовностью делятся самым ценным своим имуществом – цветами, то ребенку будет стыдно не поделиться с товарищем конфетой или игрушкой.

Мы рассматриваем эту особенность дидактики Баркер как одну из ключевых. Цветочные феи дают ребенку простые, конкретные, вполне рабочие *схемы поведения*, которые предполагаются к реализации в детском саду или школе. Произведения Баркер, среди прочего, могут рассматриваться как набор стереотипных проблемных ситуаций, с которыми ребенок сталкивается в повседневной жизни, причем автор не только обозначает возможные условия зарождения конфликта, но и подсказывает оптимальные пути выхода из него. Уважая личное эмоциональное пространство своего читателя, Баркер не поучает его напрямую, а предлагает *ролевую ситуацию*, из которой ребенок сам сделает те выводы, которые посчитает нужным. С этой точки зрения многолетняя популярность «Цветочных фей»

легко объяснима: ребенок чувствует это уважение, столь редкое в его возрасте, и охотно отвечает автору привязанностью.

Благодаря описанному подходу произведения Сесиль Мэри Баркер избегают и обычного идейного конфликта детской литературы, сформулированного Хамфри Карпентером: «Юные читатели обращаются к книгам в том числе и за советом, но главным образом – все же за историями, в которых сняты мелкие ограничения привычной реальности: они хотят рассказов, где люди умеют летать, гуси несут золотые яйца, лягушки превращаются в принцев, а дети управляют космическими кораблями, – словом, таких, которые соответствуют их идеалам приключений и воображения. С другой стороны, взрослые скорее заинтересованы в том, чтобы дать детям пример высокой нравственности. Само собой, никто не запрещает им получить свою долю развлечения, но книга должна предоставлять юному читателю и образец идеального поведения» [27, р. 1]. По нашему мнению, цикл о цветочных феях являет собой удачный пример баланса между развлечением и «образцом идеального поведения». Дидактика, заложенная в произведениях Баркер, настолько ненавязчива, что читатель даже не замечает ее. Выбор тем и образов кажется ему обусловленным личными симпатиями автора – хотя в действительности они продиктованы воспитательной целью стихотворений.

Таким образом, дидактический аспект в творчестве Сесиль Мэри Баркер имеет несколько характерных черт:

- полезная информация никогда не сообщается прямо, а зашифровывается при помощи игрового элемента (принцип «learning through play»), что способствует наилучшему усвоению ребенком;
- транслятором полезной информации выступает не родитель или педагог, а сказочное существо одного с читателем возраста, что вызывает у ребенка больше доверия и интереса к его словам;

- текст и иллюстрации составляют композиционное единство, воздействуя на читателя одновременно через визуальный и словесный каналы и тем усиливая необходимое автору впечатление;
- из всех типов риторического пафоса автор избирает романтический, при котором предмет информационного сообщения подается как прекрасный и уникальный – и это отношение передается читателю;
- помимо непосредственного образования ребенка в области ботаники, автор стремится продемонстрировать ему самоценную красоту природы, привить позитивную жизненную философию и подсказать оптимальные поведенческие схемы в различных ситуациях;
- проявляя уважение к ребенку, автор никогда не прибегает к открытому назиданию как непродуктивному; вместо этого читателю предлагаются ролевые модели без традиционной финальной морали – подразумевается, что ребенок сделает нужные выводы самостоятельно.

Поскольку данный комплекс педагогических приемов демонстрирует положительные результаты на протяжении более 90 лет, он вполне может применяться современными писателями и учителями при формировании учебных пособий и программ. Воспитательные принципы, избранные Сесиль Мэри Баркер интуитивно, являются вневременными, а потому не утрачивают своей актуальности даже в XXI веке.

Список использованных источников

1. Дарененкова В.С. Символика цвета в рассказе А.С. Байетт «Существо в лесу» // Вестн. Перм. ун-та. Серия «Российская и зарубежная филология». 2010. № 4 (10). С. 191-201.
2. Кэрролл Л. Сильвия и Бруно. М.: Альфа-книга, 2011. 489 с.
3. Галинская И.Л. Льюис Кэрролл и загадки его текстов. М.: РАН Институт научной информации по общественным наукам, 1995. 76 с.
4. Толкин Дж.Р.Р. О волшебных сказках // Чудовища и критики. М.: АСТ, 2008. 416 с.
5. Kahn J., Wright S.E. Human growth and the development of personality. Oxford: Pergamon Press, 1980. 227 p.

6. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17-201.
7. Barker C.M. Flower Fairies of the Trees. London: Frederick Warne, 2002. 40 p.
8. Орлицкий Ю.Б. Маленький гимн сноске // Арион. 2010. № 3.
9. Barker C.M. Flower Fairies of the Winter. London: Frederick Warne, 2002. 40 p.
10. Горшков А.И. Русская словесность: от слова к словесности. М.: Просвещение, 2010. 492 с.
11. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб: СОЮЗ, 1999. 224 с.
12. Шайтанов И.О. Поэтическое открытие природы // Компаративистика и/или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: РГГУ, 2010. С. 303-365.
13. Лотман Ю.М. Мыслящий тростник // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 31-35.
14. Горкин А.П. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн, 2006. 984 с.
15. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 597 с.
16. Волков А.А. Основы риторики. М.: Академический проект, 2003. 304 с.
17. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
18. Поспелов Г.Н. Введение в литературоведение. М.: Высш. шк., 1988. 528 с.
19. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
20. Barker C.M. Flower Fairies of the Spring. London: Frederick Warne, 2002. 40 p.
21. Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the clientcentered framework // Psychology: A study of a science. V. III: Formulations of the Person and the Social Contacts. N.Y: McGraw-Hill Book Company, 1959.
22. Barker C.M. Flower Fairies of the Autumn. London: Frederick Warne, 2002. 40 p.
23. Ганин В.Н. Поэтика пасторали. Эволюция английской пасторальной поэзии XVI-XVII веков: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1997. 32 с.
24. Элинор П. Поллианна. М.: ЭНАС-КНИГА, 2013. 224 с.
25. Laing Jane. Cicely Mary Barker and her art. London: Frederick Warne, 1995. 128 p.
26. Barker C.M. The Fairy Alphabet. London: Frederick Warne, 2002. 40 p.
27. Carpenter H. Secret Gardens: A Study of the Golden Age of Children's Literature. London: Bloomsbury House, 2009. 264 p.